

ОБРАЗ ДРУГОГО В ЛИТЕРАТУРЕ

IMAGE OF THE OTHER IN LITERATURE

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.036
УДК 82(091) + 821.162.4-3 Ракус + 808.1

Оксана Блашкив
*Естественно-гуманитарный
университет в г. Седльце*
Седльце, Польша

ОБРАЗЫ РУССКИХ ПРОФЕССОРОВ В РОМАНЕ СТАНИСЛАВА РАКУСА «ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Статья посвящена образу русского профессора в романе «Эксцентричный университет» (2008) словацкого писателя Станислава Ракуса. На основании существующих исследований в этой области предлагается краткий обзор эволюции образа русского в словацкой литературе с конца XIX — до начала XXI в., которая была обусловлена историей взаимоотношений обоих народов. Так, в начале XX в. источником образа русских в словацкой литературе была классическая русская литература, в результате чего сформировался достаточно идеалистический образ русского человека. Опыт взаимодействия с русскими в 1917–1920 гг. позволил словацким legionерам, среди которых были и писатели, выработать более реалистичный образ русских. После Второй мировой войны литературный образ русских характеризовался дихотомией «брат – угнетатель», в то время как более объемные, динамичные образы русских начали появляться в словацкой литературе в последние десятилетия. Роман «Эксцентричный университет», являющийся частью академической трилогии Станислава Ракуса, рассматривается в статье как университетский роман, который привносит новые черты в образы русских персонажей, существующие в словацкой литературе. Проанализированы образы двух русских преподавателей-эмигрантов в одном из словацких университетов середины XX в.: Марии Петровны Головчиковой (литературоведа) и Александра Кирилловича Жупрея (языковеда). Автор утверждает, что с помощью этих образов Станислав Ракус обращается к проблеме стереотипного словацкого русофильства, сформировавшегося под влиянием русской литературы XIX в., а также и к стереотипам, связанным с эмиграционным и гендерным дискурсом в современной словацкой культуре. Ироничный образ русских, созданный

Станиславом Ракусом, по мнению автора, направлен на активацию культурной памяти, что, в свою очередь, вместе с соединением в одном романе типичных черт *университетского* (ориентированного на жизнь студентов) и *академического* (ориентированного на жизнь профессоров) романа предлагает новый инвариант университетской прозы.

Ключевые слова: имагология; словацкая литература; университетский роман; Станислав Ракус; «Экцентричный университет»

Цитирование: Блашкив О. Образы русских профессоров в романе Станислава Ракуса «Экцентричный университет» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 217–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.036>

Поступила в редакцию: 21.11.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Oksana Blashkiv

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
Siedlce, Poland

IMAGE OF A RUSSIAN PROFESSOR IN STANISLAV RAKÚS'S *THE ECCENTRIC UNIVERSITY*

This article focuses on the image of the Russian professors in *The Eccentric University* (2008), a novel by Stanislav Rakús. Based on previous research, the author presents a short survey of Russian images in Slovak Literature in the late nineteenth – early twentieth-first centuries, whose peculiarities are rooted in the history of interaction between the two Slavic nations. Thus, the early twentieth century idealistic image of the Russian was built on the basis of Russian literature. The first images of Russians based on personal experience were created by Czechoslovak legionnaires as a result of interaction with Russians between 1917 and 1920, while after World War II, they were presented through a dichotomy “brother – suppressor”, to be changed into more dynamic ones by the early twenty-first century. *The Eccentric University*, which the author approaches from the perspective of the academic novel and part of Rakús's academic trilogy, enlarges the list of literary images of the Russians in Slovak literature. The author analyses images of Maria Petrovna Golovčikova, a female professor of Russian nineteenth-century literature, and Alexandr Kirillovič Župrej, a professor of Russian literature, both immigrant scholars at a Slovak university in the 1950s. The author maintains that through these images, Rakús addresses not only Slovak Russophilic stereotypes historically embedded in nineteenth-century literary images of Russians, but also gender and immigrant stereotypes that circulate in contemporary Slovak culture. The author concludes that an ironic portrayal of Russian professors is directed at the cultural memory activation, which together with other features typical for both campus and academic novel adds to the new (Rakús's) invariant of the “university novel”.

Keywords: imagology; Slovak literature; academic novel; Stanislav Rakús; *The Eccentric University*

For citation: Blashkiv, O. (2021). Obrazy russkikh professorov v romane Stanislava Rakusa "Ekstsentrichnyj universitet" [Image of a Russian Professor in Stanislav Rakús's *The Eccentric University*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 217–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.036>

Submitted: 21.11.2020

Accepted: 25.03.2021

Введение

В современном словацком литературоведении до сих пор не уделялось должного внимания художественным текстам национальной литературы XXI в., в которых представлены образы России и русских, хотя ранее «проблематика словацко-русских культурных связей разрабатывалась и анализировалась многими исследователями» [Kuzmíková, 2013, с. 42]. Недостаточное изучение диалога двух культур отмечают и российские ученые, указывая при этом на возрастающий интерес к данному вопросу в последнее время [Шведова, 2012]. Подтверждение этому находим, например, в сборнике «Россия и русский человек в восприятии славянских народов», который в значительной мере расширил понимание функционирования названных образов в словацкой культуре на протяжении двух предшествующих веков с учетом особенностей формирования и развития славистики как отдельной гуманитарной дисциплины в конце XIX в. [Зеленкова]. Исследования последних лет указывают на то, что особый интерес у литературоведов вызывает имагологический аспект интерпретации произведений словацкой литературы, посвященных инонациональным образам [Широкова, 2017]. Постепенно в этот дискурс входит творчество современных словацких писателей, в произведениях которых образ русского человека функционирует уже не по принципу «угнетателя или брата», а получает более объемное освещение [Kuzmíková, 2013; Широкова, 2012]. Одним из словацких писателей, создавших качественно новый образ русских в современной словацкой литературе, является Станислав Ракус.

В историческом плане важно отметить, что в начале XX в. главным источником знания словаков о восточных братьях-славянах была художественная литература. Яна Кузьмикова отмечает, что на интерес словаков к русской культуре значительно повлияли события Первой мировой войны. В ней принимали участие словацкие писатели Янко Ясенский (1874–1945), Йозеф Грегор Тайовский (1874–1940), Микулаш Гацек (1895–1971), которые впервые получили возможность общения с русскими напрямую, а не посредством литературных произведений [Kuzmíková, 2013, с. 44]. В этот период в словацкой прозе под влиянием внелитературных, социополитических фактов и факторов появились как позитивные образы русских — «новых людей, братьев всех людей», так и негативные образы большевиков-преступников. Интересно отметить, что в начале XX в. образы русских женщин нередко осмысливались словацкими писателями в несколько ориенталистском плане. Например, Янко Ясенский описывал

русских женщин как «добродушных селянок»: «сердечные, чувствительные, души которых как открытые чаши со сказочным напитком, дорогим нектаром, который они сами, наклоняясь, наливают без предостережений» [Kuzmíková, 2013, с. 50]. Эти чуткие, нежные героини противопоставлялись в ментальном плане холодным, сдержанным, расчетливым чешкам / европейкам. Однако, «литературные прозведения Тайовского и Ясенского о Первой мировой войне были скорее стилизованным свидетельством, чем художественно убедительным изображением военного времени» [Там же].

После Второй мировой войны в словацкой литературе закрепились антагонистические образы русских — брата или угнетателя [Широкова, 2012; Kuzmíková, 2013]. На формирование указанных стереотипов повлияли исторические и политические обстоятельства, сложившиеся в Словакии после войны. С одной стороны, позитивный образ русского (сильного и справедливого) был средством официальной пропаганды, провозглашавшей дружбу словацкого и советских народов во «время насильственного установления в 1948 г. коммунистического режима» [Kuzmíková, 2013, с. 58]. С другой стороны, негативные оценки, появившиеся в последующие десятилетия, особенно популярные в 1970-е гг., опирались на существующие стереотипы о склонности русских к анархии, тирании и алкоголю (насильники и пьяницы). В то же время стоит отметить, что в конце 1940-х гг. идея словацкого русофильства, навеянная увлечением русской культурой, все еще четко присутствовала в словацкой литературе (Франтишек Швантнер «Письмо», 1948) [Там же]. В начале XXI в. словацкие писатели, обращаясь к русской тематике, отходят от шаблонов *homo sovieticus* или *homo antisovieticus*, исследуют индивидуальные мотивы поведения разных типов людей в конкретных исторических обстоятельствах [Там же, с. 64]. Эту динамику подчеркивали и российские литературоведы [Шведова, 2014; Широкова, 2014].

Жанровые особенности романа Станислава Ракуса «Эксцентричный университет»

В контексте нашего исследования важно отметить тот факт, что большинство произведений, ставших основой изучения образов русских в словацкой литературе, относятся к военной прозе [Kuzmíková, 2013; 2014], в то время как другие жанры попадали в поле исследований гораздо реже. К таким жанрам можно отнести словацкий университетский роман, который до сих пор, как, впрочем, и другие славянские университетские романы¹, не часто становился

¹ Многие ученые отмечают, что такой вид романа характерен исключительно для англо-американской литературной традиции [см.: SRGL, s. 102–104; Анцыферова]. В английском языке функционируют несколько терминов, используемых литературоведами для обозначения этого жанрового вида: *the campus novel*, *the college novel*, *academic novel*, *the varsity novel*. Также иногда употребляются термины, предложенные исследователем Р. Г. Карамом: *Professorroman*, *Studentenroman*. В немногочисленных научных статьях, анализирующих произведения данного жанра в других национальных литературах [Sidowska; Mitka], за образец жанра берутся английские и американские романы об университетской жизни, а термины «академический роман» и «университетский роман» часто используются как синонимы. Мы будем следовать

предметом изучения литературоведов [Blashkiv; Блашкив; Блашків; Sidowska; Mitka]. Причиной этого могла стать относительно низкая репрезентативность и, соответственно, низкая популярность этой жанровой разновидности в современных славянских литературах [Mitka]. В то же время в современной словацкой литературе имя Станислава Ракуса (род. 1940) ассоциируется напрямую с университетской прозой². Его трилогия, в которую вошли романы «Темпоральные записки» (1993), «Ненаписанный роман» (2004) и «Эксцентричный университет» (2008) — яркий пример метапрозы. Повествование в трилогии сосредоточено на образах преподавателей литературы, работающих в вузах Словакии. Фабульное время романов охватывает 1950–1970-е гг. Такое достаточно продолжительное художественное время позволяет многоаспектно рассмотреть образ профессора в контексте политических и социокультурных проблем этого периода в истории Словакии. Интересно, что образы этнических русских появляются в последнем романе трилогии, повествующем о 1950-х гг., в отличие от предыдущих романов, действие которых происходит в начале 1970-х гг.

Академический роман (*academic novel*) как жанр романа о жизни преподавателей высшей школы сформировался в 1950-е гг. в англоязычной литературе. В произведениях этого жанра образ университета предстает как замкнутое пространство, отделенное от общества в буквальном и переносном смысле стеной, где нередко господствуют раздоры, интриги, а также борьба за власть и влияние. Образ профессора-протагониста при этом — глубоко сатирический, подчеркивающий его наивность. В погоне за научными результатами и выполнении повседневных рутинных преподавательских обязанностей профессора переживают глубокий личностный и профессиональный кризис и зачастую стоят перед выбором: уйти или остаться в университете [Dalton-Brown, p. 592]. В таком контексте произведения Станислава Ракуса «Темпоральные записки» (1993), «Ненаписанный роман» (2004) отвечают требованиям жанра университетского романа, хотя их персонажи и работают в вечерней школе (Дюшан Сакмара из «Темпоральных записок») и в театре (Адам Захариаш из «Ненаписанного романа»), а не в университете. Названные герои изображены автором как неудобные, невостребованные, неспособные адаптироваться к обстоятельствам неудачники, живущие в период «нормализации» (1968–1989). Это люди, по верному определению Аллы Машковой, «с изломанными судьбами», те, «кого прежде называли “лишними”» [Машкова, с. 53].

англо-американской традиции, понимающей под *campus novel* романы о жизни студентов, а под *academic novel* романы о жизни профессоров [Williams], соответственно переводя их на русский как «университетский роман» и «академический роман». В случае слияния двух жанров мы будем использовать термин «университетский роман», который ближе по значению к *college novel* или *varsity novel*.

² В творческом наследии этого писателя, литературоведа и университетского профессора, кроме вышеупомянутых сочинений, есть также сборник рассказов «Pieseň o studničnej vode» («Песнь о воде из колодца», 1979), детская проза «Mačacia krajina» («Кошкина страна», 1986), несколько литературоведческих работ, среди которых монография «Поэтика прозаического текста» (1995) и книга под названием «Телеграмма» (2010), получившая высшую словацкую литературную награду «Anasoft litera».

Важная составляющая личности Дюшана Сакмары и Адама Захариаша — тяга к словесному творчеству, с помощью которого герои пытаются осмыслить происходящее с ними, т. е. рассказать / написать свою историю. Дюшана Сакмару увольняют с должности учителя вечерней школы, где он преподавал литературу в стиле импровизации (не соотносящемся с правилами периода «нормализации»), на основании анонимного письма, уличающего молодого учителя в издевательствах над студентами и несоответствии образу примерного гражданина и учителя. Личный дневник, в котором Сакмара регулярно делал записи обо всех событиях, происходивших с ним и вокруг него, оказывается потерянным. Если бы дневник попал в чужие руки, особенно нежелательного читателя, содержание записей стало бы очень опасным для родственников, знакомых и коллег Сакмары. Герой «Ненаписанного романа» — преподаватель литературы Адам Захариаш — был изгнан из университета, потому что «со временем выяснилось, что в критические годы он выступал по радио, что член оценочной комиссии доцент Бартош определил как подрывную и вражескую деятельность» [Rakús, 2004, s. 28]. Выход в свет его новеллы «Профессор Амбел» останавливает цензура, и, невзирая на попытки найти человека, который бы согласился отослать в печать новеллу под своим именем, Захариашу не удается опубликовать свое произведение. В обоих случаях рассказчики остаются неуслышанными ни своими близкими и знакомыми, ни читателями. Жизненные перипетии Адама Захариаша и Дюшана Сакмары, на наш взгляд, соотносят их судьбы с образом «гонимой правды» [Чижевский]³. Именно мотив незаслуженного изгнания из университета — места, которое по своей сути должно гарантировать свободу самовыражения и обеспечивать условия для неустанный поиска правды / истины, позволяет интерпретировать этих персонажей Станислава Ракуса в контексте «нормализации» не только как «лишних», но и «изгнанных».

Академические романы нередко являются своеобразными литературными хрониками, повествующими о жизни университетов и чутко реагирующими на любые ее изменения [Showalter]. Уже первые академические романы обращались, среди прочих, к теме Другого, регистрируя тем самым изменения в культурной среде высших учебных заведений. Американские университеты долго были элитарными и замкнутыми сообществами, но после Второй мировой войны стали принимать чужаков — ученых-эмигрантов из Европы, в которых нуждались

³ В статье «Гонимая правда» („Die vertriebene Wahrheit“, 1956) Дмитрий Чижевский анализирует барочную чешскую поэзию и украинскую проповедническую прозу, прослеживая в них образ «гонимой правды». Его корни Чижевский видит в некоторых высказываниях из Библии («Блаженны гонимые за правду...») и в античном мифе о Деве Астрее, которая, не выдержав человеческой подлости, улетела на небо. В христианской литературе Средневековья, отмечает он, образ гонимой правды был общим местом, характерной чертой которого было то, что истина (или другая гонимая добродетель) возвращается на Землю и не может найти себе пристанища. В более поздние времена, согласно автору, образ появляется в многочисленных произведениях, которые используют символику паломничества с поучительной или сатирической целью. В этом ключе можно рассматривать также «Лабиринт мира и рай сердца» Яна Амоса Коменского — вершину чешской литературы XVII в.

в США. В литературе в большинстве случаев этот образ воплотился в качестве отчужденного и глубоко привязанного к своей родине профессора-чудака [Gruszevska-Blaim, p. 51–52]. Наиболее известным персонажем подобного типа является профессор Тимофей Пнин из одноименного романа Владимира Набокова, но стоит упомянуть также Домну Рейнев — героиню романа “The Groves of Academe” Мери МакКарти, поскольку это произведение заложило в начале 1950-х гг. основы жанра академического романа в американской литературе.

Роман Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» — инвариант жанра университетского романа, редко встречающегося в англо-американской традиции. Произведение Станислава Ракуса представляет синтез академического романа (*academic novel*) и университетского романа (*campus novel*). В центре повествования в университетском романе оказывается студент, а действие романа разворачивается вокруг студенческой жизни в кампусе [Williams, с. 562]. В романе «Эксцентричный университет» преподаватели-иностранцы представлены через восприятие студентов, т. е. в определенной мере глазами «других» по отношению к среде преподавателей. Перед читателем разворачивается история жизни первокурсника Петера Ледера, студента отделения русской филологии одного из университетов Чехословакии. Действие происходит в 1950-е гг. Во время учебы далеко от родного города, которым для Петера была Прага, он участвует в жизни «эксцентричного» университета и его не менее эксцентричных студентов, один из которых — Виктор Бохня, студент второго курса той же русской филологии. Из повествования этих двух персонажей читатель узнает о жизни университетских профессоров и студентов. При этом второкурсник Виктор Бохня, считающий себя практически сформировавшимся писателем, рассказывает о своем университетском опыте, а первокурсник Петер Ледер ему внимает. Таким образом, в начале романа перед читателем предстают «слушающий» и «говорящий» рассказчики. К концу учебного года второкурсника Бохню исключают из университета за «безответственность, злоупотребление отцовским именем, неуважение к русской литературе и эксцентричное поведение» [Rakús, 2008, s. 225]. Вот почему содержание его ненаписанной, но озвученной книги становится известно читателю из уст Петера. В этой книге и история сватовства Бохни к преподавательнице русской литературы Марии Петровне Головчиковой, и история языковеда Александра Кирилловича Жупрея и самого Бохни-писателя, и мн. др. Ненаписанная книга Виктора предстает перед читателем как «история в истории», поскольку в романе Станислава Ракуса она вошла в повествование Петера. Тот, в свою очередь, пытается осмыслить свою жизнь в Праге до поступления в «эксцентричный» университет и во время учебы в нем, чтобы потом рассказать об этом своему отцу, который обязательно скажет: «Так начинай же рассказывать все по порядку с конца» [Ibid.]. При этом сатирическое изображение учебного заведения хоть и имеет место, но не является самоцелью, как это часто бывает в англо-американских академических романах.

Луция Чандикова-Параличова верно отметила, что «кроме параллельной композиции в романе присутствует содержательная внутренняя параллельность,

которая метафорично представляет параллельное существование не только рассказчиков, но и всех остальных персонажей. Эта раздвоенность имплицитно указывает на поиски героями жизненного равновесия, устойчивости, стабильности во времена, когда нельзя оставаться самим собой. Параллельное существование, таким образом, создает переход между существованием аутентичным и неаутентичным, искусственным» [Šandíková Paraličová, s. 825]. На наш взгляд, эта композиционная двойственность в романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» усиливается иронией, которая по своей сути также «двойственна», где истинной является не прямо высказанный, а подразумеваемый смысл. Ирония Станислава Ракуса, по мнению Петера Заяца, аналогична иронии Томаса Манна, которая зиждется, в частности, на инверсии, изменении оптики, а вместе с ними — и на изменении повествовательных перспектив и смене нескольких рассказчиков, и реализуется словацким писателем посредством современных приемов — пародии, травестии и пастиша [Zajac]. В этом смысле образы русских профессоров в романе особенно ярки.

Русская женщина или советский эмигрант?

Образ Марии Петровны Головчиковой, русской женщины и «советской» эмигрантки, преподавательницы русской литературы XIX в., насквозь ироничен. Красота Марии Петровны изображена метонимично: у нее — «красиво обрисованные губы» [Rakús, 2008, s. 7] и связанные с ними «легкость в произношении» и звучание голоса (она «мягко, кокетливо и в то же время стыдливо открывает рот, заливая как родовитая русская всю комнату точными звуками, аканьем и отлично артикулируя гласные и согласные» [Ibid., s. 8]). Марии Петровне двадцать семь лет, но она все еще не замужем. По мнению нарратора, причиной тому мог послужить ее исконно «русский сибирский рост в 190 см» [Ibid., s. 9], а также то, что она «посвятила свою жизнь литературе XIX века» [Ibid.]. Нарратор воспринимает ее как поэта, которым она поневоле стала, находясь на «огромном расстоянии от широких просторов страны, которая в своей литературной душе посредством Гоголя... хранит и тайную красоту Малой Руси?» [Ibid., s. 29].

Студент Виктор Бохня воспринимал Марию Петровну как «личность, которая в этом эксцентричном университете стала [его] преследовать» [Ibid., s. 7]. Поэтому герой пришел к выводу, что правильным выходом из данной ситуации станет сватовство, а «с момента, как Виктор Павлович Бохня попросил руки красавицы Марии Петровны Головчиковой, двадцати семи лет от роду, он совершенно русифицировался — в обращении с избранными собеседниками начал использовать имя и отчество» [Ibid.].

Увлечение Марией Петровной стали для Виктора Бохни импульсом для поисков своего мужского и писательского «я». При этом оба компонента его идентичности были тесно связаны между собой. Маскулинность персонажа проявилась в физических качествах: возраст (29 лет, поскольку в университет он поступает после армии) и высокий рост (он может со своим ростом 187 см

физически стать почти ровней Марии Петровне), а также в желании завоевать благосклонность дамы:

Какой парадокс, господа! Заикание и испуг, а вместе с тем мужская энергия, то, что используя принятую идиоматику, называют «сильная рука». Мужская способность быть защитой. А еще вдобавок к этому — быстрота и аналитичность мысли. Кто же из всех слушателей филологии может предложить что-то подобное, кто, кроме меня, в таких условиях откажется просить руки Марии Петровны Головчиковой с кафедры русского языка и литературы? [Rakús, 2008, s. 11]

Стратегия завоевания Марии Петровны мыслилась Бохней как умение «притягивающе, туманно и элегантно формулировать свои мысли» [Ibid., s. 10], быть в состоянии «произвести многочисленные звуковые оттенки и особенности голоса» [Ibid., s. 11], правильно подобрать время (в декабре, когда все вокруг бело и красиво) и одежду (театральный реквизит или черный костюм) для торжественного дня. Готовясь к судьбоносному поступку, Виктор Бохня прокручивал в голове бесчисленные варианты разговора о русской литературе XIX в., который должен был состояться во время консультации и подвести к сватовству. В то же время, в глубине души герой надеялся, что когда они будут стоять с Марией Петровной лицом к лицу, поскольку их рост это позволяет, то хватит лишь «намекнуть, и не будет нужды добиваться благосклонности ни интеллектом, ни словами», она сама «прильнет к его груди, ведь русские так эмоциональны, а в этой молчаливой, чувствительной коммуникации проявится все, что он хотел ей сказать» [Ibid., s. 31]. В этих размышлениях Бохня пытается не просто представить себя слушателю Петеру и будущему читателю как писателя, но и осмыслить свои ощущения с помощью литературных понятий:

Что я, собственно, за человек? Раз во мне проявляется драматический характер конструктивного, иногда неотступного, настойчивого типа, которой ставит избранным особам вопросы, превышающие их духовный уровень и интеллектуальные возможности, а иногда я сам совершенно беспомощен из-за самого простого вопроса, с которым нужно обратиться к нежной даме. Эту моментальную нерешительность и возврат к кризису я быстро придушил. На самом деле, я эпик, подумал я, поскольку... всякие мелочи и низкие недостойные детали провоцируют мое желание рассказывать и постоянно уходить в лирические отступления. Эта эпичная ненасытность, этот тип кутежа меня когда-то всего поглотит и вместе со мной зальет тех, кто меня слушает [Ibid., s. 27–28].

Очень важным компонентом в понимании особенностей творческого, писательского «я» Виктора Бохни являются реминисценции, связанные с русской литературой XIX в. Среди авторов, наследие которых представляется хорошо знакомым герою, — Александр Пушкин, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Лев Толстой, Федор Достоевский, Антон Чехов. Таким образом, у читателя может сложиться впечатление, что Виктор Бохня — глубокая и образованная натура. Однако Станислав Ракус и в этом случае играет с ожиданиями читателя, иронизирует над интертекстуальностью восприятия, литературоведческими и историко-литературными горизонтами Виктора Бохни. Оказалось, что познания

героя в творчестве русских писателей заключались в коллекции фактов из частной жизни классиков: количестве шагов на дуэли между Пушкиным и Дантесом; высказывании Гоголя о том, что «мужчинам нравятся красивые и глупые женщины» [Rakús, 2008, s. 39]. Вполне возможно, учитывая время написания романа, что автор иронизирует по поводу уровня преподавания русской литературы в 1950-е гг. и одновременно пародирует культурологические исследования в современном литературоведении.

Историю сватовства читатель узнает из рассказа Бохни-писателя, воссоздающего событие в трех аспектах: 1) планирование и подготовка; 2) реальная картина сватовства; 3) осмысление двух вышеупомянутых моментов, поданных в форме раздела будущей книги, рассказанного друзьям-студентам. Тон повествования трагикомичен. Сватовству предшествовали распивание вина и поедание картофеля в огромных количествах для храбрости. Затем преодоление трудностей на пути в аудиторию (запахи селедки, трески, шпрот, кислой капусты), превозмогание состояния алкогольного опьянения, при котором один глаз Бохни становился меньше другого и тем самым не позволял прямо взглянуть на собеседницу. Все перечисленное — лишь малая часть неприятной истории, произошедшей в знаменательный день.

Кульминацией сватовства становится фраза «Вы неисправимы, Буохня!», весело брошенная Марией Петровной в ответ на предложение руки и сердца, вдобавок еще и с искаженным произношением фамилии студента. Злоключение студента-второкурсника Бохни — не в самом отказе, а в его негалантной манере, не соответствующей духу XIX в. Ему отказали «без какого-либо уважения, которое в русской культуре проявляется благородной возможностью использовать перед фамилией не только имя, но и отчество» [Ibid., s. 35]. В отместку за неучтивый отказ Виктор Павлович Бохня детально воображает взрыв злости, в пылу которого он остро критикует гениев русской культуры XIX в., сводя на нет их литературные заслуги. Венцом демифологизации образа Марии Петровны для уязвленного Бохни становится новость о том, что она уже три года как «формально замужем за земляком, получившим образование в Москве и занимающимся торговлей» [Ibid., s. 42]. Следовательно, Мария Петровна отнюдь не возвышенная личность, поскольку, оказалось, она «не была ни поэтом, ни одинокой душой, ни глубоким ценителем русской литературы XIX века», ей просто «захотелось здесь жить» [Ibid.]. Вместе с Виктором Павловичем Бохней автор иронизирует и над наивностью молодого мужчины, и над творческой амбициозностью студента-филолога, благодаря которому перед читателем предстает образ русской женщины-профессора, сотканный из литературных деталей, которые уже стали стереотипными в словацкой культуре.

Русский лингвист или неблагонадежный эмигрант?

Образ Александра Кирилловича Жупрея, языковеда-русиста, представлен в романе «Эксцентричный университет» более доброжелательно,

в сочувственном тоне, но тоже с немалой долей иронии. Профессор Жупрей много лет самоотверженно работает над историей русского языка, хотя для постороннего такое занятие может выглядеть странным, совершенно непонятным и бесполезным:

Никому бы в голову не пришло, что кто-то может прийти на работу и заниматься каким-то словечком, которому уделял пристальное внимание вчера, и неделю, и месяц назад. [Он] оборачивает его со всех сторон, делает о нем заметки и рисует графы, а когда около пяти вечера вернется домой, должен хотя бы два часа поспать, потому что работа над этим словечком его измучила. Реальность, однако, была совсем другой. Александр Кириллович Жупрей готовился к докладу на научной конференции в Ужгороде, а в нем он затронет исторические изменения, международные обстоятельства, вариативность и содержательный спектр этого словечка, которое в своем докладе он назовет лексемой. Благодаря этому словечку он поселится в Ужгороде в гостинице «Киев», погуляет по набережной реки Уж и привезет в Словакию пять банок острой горчицы [Rakús, 2008, s. 196–197].

Пародируя лингвистические методологии исследования языка, Станислав Ракус иронизирует и над феноменом научных конференций. Мотивация профессора Жупрея в них поучаствовать скорее напоминает «академический туризм» более поздних времен (вспомним хотя бы роман Дэвида Лоджа «Мир тесен», 1984). География международных конференций персонажа, однако, ограничена «историческими землями» Словакии — Прикарпатской Русью, которая после Второй мировой войны отошла в состав Украинской Советской Социалистической Республики, на что автор и намекает названием гостиницы «Киев» в г. Ужгород. Иронию вызывает то, что этой культурной памятью по-своему владеет словак русского происхождения, эмигрант во втором поколении, как и то, что память о русской культуре он сохраняет в своей жизни благодаря вкусовым привязанностям.

В университете Александр Кириллович занимает каморку, всю заставленную книгами и напоминающую «склад исторических и современных лексикографических и лексических записей и документов» [Ibid., s. 199]. Иногда эту каморку использует для личных встреч со студентками вышестоящий коллега, и тогда Александр Кириллович может наслаждаться пространством его кабинета. Довольно часто Александр Кириллович размышлял о проблемах языкознания во время прогулок в парке. Во время одной из них его задержала служба безопасности, обвинив в тунеядстве. Выпустили Александра Кирилловича только после «звонка заведующего кафедрой русского языка и литературы, который подтвердил его личность и научную ориентацию» [Ibid.], но во время допроса выяснилось, что он — сын русского эмигранта, выпускника Академии искусств в Петрограде, музыканта и популяризатора русской культуры, прибывшего в Словакию в 1921 г. Это происшествие отразилось на университетской жизни преподавателя практически сразу: ему было отказано в переезде в более просторную комнату.

Студента Виктора Бохню с профессором Жупреем свела совместная общественная деятельность: им была поручена политическая агитация. Бохня

и Жупрей должны были убедить жителей города принять участие в майских праздниках. Поскольку профессор «оставил всю агитацию [Бохне], помогая при этом только своим молчаливым присутствием» [Rakús, 2008, s. 201], то вечером он пригласил Виктора на ужин. С этого вечера начались их регулярные, посвященные «культуре приема пищи» встречи, на которых Бохня не только узнавал много интересного, но и учился молчать или ставить вопросы, а не «предаваться обжорству рассказывания». Общение с профессором Жупреем вдохновляло Бохню на размышления о французской гастрономической культуре, о теме «языка и еды» в литературе и в жизни, о потреблении пищи как части общечеловеческой коммуникативной культуры. Анализируя домашние привычки, интересы Жупрея, Виктор приходит к заключению, что такое уважительное отношение к еде профессор вынес из отцовского дома. Бохня сожалеет, что профессор Жупрей в университете недооценен, был и остается чудаковатым маргиналом. Используя новые знания по истории и культуре питания, полученные в ходе общения с Александром Кирилловичем, Бохня видит личность профессора как «тринадцатого гостя» — лишнего человека за столом среди двенадцати приглашенных к ужину. Студент понимает, что в университете с Александром Кирилловичем «в будущем уже не будут считаться» [Ibid., s. 210], и одна из причин такого отношения к профессору Жупрею — потомственная / эмигрантская неблагонадежность. И хотя он пострадал не из-за своего политически опасного творчества как персонажи предыдущих книг Станислава Ракуса Сакмара («Темпоральные записки») или Захариаш («Ненаписанный роман»), профессор Жупрей тоже в некотором смысле изгнан из университетского общества, но из-за «правды» о своем происхождении.

Представленные образы русских профессоров-эмигрантов для обоих рассказчиков — Виктора Бохни и Петера Ледера — в канве романа имеют разное значение. Для второкурсника Бохни Мария Петровна — ключевая личность для его личностной и писательской идентичности. Для первокурсника Петера история сватовства Бохни — не только некая инициация в студенческую жизнь, полную романтических увлечений и разочарований, но и «наследство» Бохни-писателя, который считал, что начинать романы нужно историями отношений мужчины и женщины, чтобы с самого начала захватить внимание читателя. Переложив на студентов-филологов все муки словесного творчества, Станислав Ракус не только обогатил образ «студенческой жизни» (по законам жанра университетского романа сосредоточенной на спорте и любовных историях, а не на писании художественных произведений), но и благодаря их студенческому взгляду по-новому показал сотрудников университета. Поскольку не со всеми преподавателями (а их в романе довольно много) у Виктора Бохни сложились доверительные отношения, профессор Жупрей, возможно, оказывается настоящим его учителем, поскольку во время разговоров косвенно учит его (а через него и Петера) внимательно слушать, наблюдать и анализировать увиденное, а это — неопределимое качество хорошего рассказчика. Вместе с другими персонажами романа они дают возможность молодому поколению студентов рассказать историю, будь то история взросления, безответной любви или написания романа.

Выводы

В романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» образы русских профессоров играют, на наш взгляд, особенно важную роль. С их помощью автор апеллирует к культурной памяти словаков и провоцирует ее ревизию, что несомненно предполагает пересмотр устоявшихся национальных стереотипов. Авторская ирония при этом создает достаточную дистанцию по отношению к фабульному историческому времени и его героям. Она формирует осознание относительности национальных клише и стереотипов, необходимости критического мышления в их (стереотипов) оценке и таким образом активизирует культурную память словаков.

Так, Мария Петровна Головчикова — «советская» эмигрантка, что, однако, было достаточно редким явлением и может намекать также и на ее сотрудничество с органами службы безопасности СССР. Готовность Марии Петровны выйти замуж «за паспорт» перекликается с подобными случаями экономической эмиграции после распада Советского Союза. В образе Марии Петровны Головчиковой Станислав Ракус развенчивает русофильский стереотип, закрепившийся в словацкой культуре по отношению к русской женщине, а также корректирует распространенное мнение, связанное с пиететом словаков по отношению к русской литературе. С одной стороны, этот стереотип был порожден традицией словацкого русофильства XIX в., с другой — влиянием преподавательских кадров, обучавших словаков русскому языку и литературе в 1950-е гг. и формировавших положительный образ России.

В случае с Александром Кирилловичем Жупреем, преподавателем той же кафедры, активируются представления о судьбах людей межвоенной эмиграции. Гетероимидж представителей разных волн русской эмиграции в Словакии различный: у них несходные типы ценностей и мышления. Осознанное сочувствие к судьбе эмигранта из царской России — в противовес безучастному отношению к эмигранту советского времени — может указывать на то, что для Станислава Ракуса советский (коммунистический) режим не отождествляется с Россией и русской культурой вообще. В аспекте жанра университетского романа, ориентация на культурную память (а не только на создание сатирического образа учебного заведения), а также объединение в одном романе черт *academic* и *campus novel* (обращение в равной мере к жизни и профессоров, и студентов) предлагает уникальный инвариант словацкого университетского романа. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для дальнейших исследований жанра равно как и трансформаций образа России и русских в словацкой литературе.

Источники

- Rakús S. Nenapísaný román. Levice : Koloman Kertész Bagala L.C.A.Publishers Goup, 2004.
Rakús S. Excentrická univerzita. Levice : Koloman Kertész Bagala, 2008.

Исследования

Анциферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 264–295.

Блашків О. Исторические перипетии сквозь призму украинского университетского романа // *Conversatoria Litteraria*. 2018. XII. С. 135–149. URL: <https://czasopisma.uph.edu.pl/index.php/testowe2/article/view/638> (дата обращения: 22.08.2019).

Блашків О. Радянський джентльмен: український професор супроти викликів історії // *Kultury Wschodniosłowiańskie – Oblicza i Dialog*. 2019. № 9. С. 11–22. <https://doi.org/10.14746/kw.2019.9.1>

Зеленкова А. К проблемам славянской имагологии (рецепция русской среды и культуры в воспоминаниях и переписке М. Мурко и И. Поливки на рубеже XIX–XX вв.) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 142–152.

Машкова А. Поэтика метатрилогии Станислава Ракуса // *Slavica Litteraria*. 2014. Vol. 17, Iss. 2. P. 51–58. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132888/1_SlavicaLitteraria_17-2014-2_6.pdf (дата обращения: 22.08.2019).

Чижевський Д. Гнана правда // Чижевський Д. Філософські твори : у 4 т. Т. 3 : Філософія Людовіта Штура. Філософська славістика. Київ : Смолоскип, 2005. С. 217–227.

Шведова Н. В. Образ России в Словакии // *Славянский альманах* 2011. М. : Индрик, 2012. С. 536–542.

Шведова Н. В. Русский человек в сознании словацкой интеллигенции последних десятилетий // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 429–442.

Широкова Л. Ф. Трансформация образа русского в словацкой прозе второй половины XXI века // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах* / отв. ред. Е. С. Узенева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 271–279.

Широкова Л. Ф. Герои и жертвы: русские персонажи в романах Ладислава Тяжкого // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 421–428.

Широкова Л. Ф. Стереотип или индивидуальность: образ русского в словацкой литературе XX в. // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. д. ф. н. И. Е. Адельгейм. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 179–187.

Blashkiv O. Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction // *Journal of Education Culture and Society*. 2018. 9 (1). P. 151–160. <https://doi.org/10.15503/jecs20181.151.160>

Čandíková Paraličová L. Oslobodzujúca radosť z rozprávania. Poznámky k románu Stanislava Rakúsa *Excentrická univerzita* // 5. Študentská vedecká konferencia : zborník príspevkov / ed. M. Chovanec, J. Sipko, G. Harčariková. Prešov : Prešovská Univerzita, 2010. S. 825–831. URL: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Chovanec1/subor/70.pdf> (дата обращения: 22.08.2019).

Dalton-Brown S. Is There Life Outside of the Genre of the Campus Novel? Academic Struggles to Find a Place in Today's World // *The Journal of Popular Culture*. 2008. 41 (4). P. 591–600.

Gruszevska-Blaim L. Academic Fiction and the Professorial Shadowlands: The (Dis)empowerment of the Eastern European Scholar // *The campus novel: regional or global?* / ed. D. Fuchs, W. Klepuszweski. Leiden ; Boston : Brill Rodopi, 2019. P. 49–63.

Kuzmíková J. Brat alebo utláčateľ: dôvody a dôsledky mimoriadnej pozície Rusa v slovenskej vojnovej literatúre // Новая русистика. 2013. № 1. С. 41–71. URL: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/128368> (date of access: 05.07.2019).

Kuzmíková J. The Character of the Russian in Slovak War-Themed Literature // *Acta Slavica Iaponica*. 2014. T. 34. P. 49–67. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/56934/1/ASI34_003.pdf (date of access: 26.08.2019).

Mitka M. Naratívne a literárnoteoretické korelácie diskurzivity v románoch S. Rakúsa: hľadanie autora (nielen v časoch socializmu) // Codex Historico-Critica. Noetické východiská v kontexte interdisciplinárnych prístupov k histórii, literatúre, jazyku a umeniam / ed. L. Šteflová, P. Karpinský. Prešov : Prešovská Univerzita, 2018. S. 124–134. URL: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Steflova1/subor/Mitka.pdf> (date of access: 22.08.2019).

Sidowska K. Polska powieść uniwersytecka // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica. 2015. № 4 (30). S. 149–157.

Showalter E. Faculty Towers. The Academic Novel and Its Discontents. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2005.

SRGL – Słownik rodzajów i gatunków literackich / red. G. Gazda, S. Tynecka-Makowska. Kraków : Wydaw. Universitas, 2006.

Williams J. J. The Rise of the Academic Novel // American Literary History. 2012. 24 (3). P. 561–589.

Zajac P. Stratené existencie a ich čas. URL: www.konzervativizmus.sk/article.php?312 (date of access: 05.07.2019).

References

Antsyferova, O. Yu. (2009). Universitetskij roman: zhizn' i zakony zhanra [The Campus Novel: Life and the Laws of Genre]. *Voprosy literatury*, 4, 264–295.

Blashkiv, O. (2018a). Istoricheskie peripetii skvoz' prizmu ukrainskogo universitetskogo romana [Historic Vicissitudes through the Prism of the Ukrainian Academic Novel]. *Conversatoria Litteraria*, XII, 135–149. Retrieved from <https://czasopisma.uph.edu.pl/index.php/conversatorialitteraria/article/view/638/561>

Blashkiv, O. (2018b). Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction. *Journal of Education Culture and Society*, 9(1), 151–160. <https://doi.org/10.15503/jecs20181.151.160>

Blashkiv, O. (2019). Radians'kij dzhentelmen: ukrajins'kij profesor suproty vyklykiv istorii [A Soviet Gentleman: Ukrainian Professor in the Face of Historic Turmoil]. *Kultura Wschodnioslowiańskie – Oblicza i Dialog*, 9, 11–22. <https://doi.org/10.14746/kw.2019.9.1>

Čandíková Paraličová, L. (2010). Oslobodzujúca radosť z rozprávania. Poznámky k románu Stanislava Rakúsa Excentrická univerzita. In M. Chovanec, J. Sipko, & G. Harčariková (Eds.), 5. *Študentská vedecká konferencia. Zborník príspevkov* (pp. 825–831). Prešov: Prešovská Univerzita. Retrieved from <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Chovanec1/subor/70.pdf>

Chyzhevs'kyj, D. (2005). Hnana pravda [The Persecuted Truth]. In D. Chyzhevs'kyj, *Filosofs'ki tvory* [Philosophic Works] (Vol. 3: *Filosofia Ludovita Shtura. Filsofs'ka slavistyka* [Ludovit Shtur's Philosophy. Philosophic Slavic Studies], pp. 217–227). Kyiv: Smoloskyp.

Dalton-Brown, S. (2008). Is There Life Outside of the Genre of the Campus Novel? Academic Struggles to Find a Place in Today's World. *The Journal of Popular Culture*, 41(4), 591–600.

Gazda, G., & Tynecka-Makowska, S. (Eds.). (2006). *Słownik rodzajów i gatunków literackich*. Kraków: Wydawnictwo Universitas.

Gruszewska-Blaim, L. (2019). Academic Fiction and the Professorial Shadowlands: The (Dis)empowerment of the Eastern European Scholar. In D. Fuchs, & W. Klepuszweski (Eds.), *The campus novel: regional or global?* (pp. 49–63). Leiden; Boston: Brill Rodopi.

Kuzmíková, J. (2013). Brat alebo utlačateľ: dôvody a dôsledky mimoriadnej pozície Rusa v slovenskej vojnovnej literatúre. *Novaya russistika*, 1, 41–71. Retrieved from <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/128368>

Kuzmíková, J. (2014). The Character of the Russian in Slovak War-Themed Literature. *Acta Slavica Iaponica*, 34, 49–67. Retrieved from https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/56934/1/ASI34_003.pdf

Mashkova, A. (2014). Poetika metatrilogii Stanislava Rakusa [Poetics of the Metatrilogy by Stanislav Rakús]. *Slavica Litteraria*, 17(2), 51–58. Retrieved from https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132888/1_SlavicaLitteraria_17-2014-2_6.pdf

Mitka, M. (2018). Naratívne a literárnoteoretické korelácie diskurzivity v románoch S. Rakúsa: hľadanie autora (nielen v časoch socializmu). In L. Šteflová, & P. Karpinský (Eds.), *Codex Historico-Critica. Noetické východiská v kontexte interdisciplinárnych prístupov k histórii, literatúre, jazyku a umeniam* (pp. 124–134). Prešov: Prešovská Univerzita. Retrieved from <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Steflova1/subor/Mitka.pdf>

Shirokova, L. F. (2012). Transformatsii obraza russkogo v slovatskoi proze vtoroi poloviny XX veka [Transformations of the Image of the Russian in the Slovak Prose of the Second Half of the 20th Century]. In E. S. Uzeneva (Ed.), *Slavianskij mir v tretjem tysiacheletii. Obraz Rossii v slavianskikh stranakh* [The Slavic World in the Third Millennium. The Image of Russia in Slavic Countries] (pp. 271–279). Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.

Shirokova, L. F. (2014). Geroi i zhertvy: ruzskie personazhi v romanakh Ladislava Tiazhkogo [Heroes and Victims: Russian Characters in the Novels of Ladislav Tiazhky]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Man in Perception of Slavic Peoples] (pp. 421–428). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Shirokova, L. F. (2017). Stereotypy ili individualnost': obraz russkogo v slovatskoi literature XX veka [Stereotypes or Individuality: The Image of the Russian in 20th-Century Slovak Literature]. In I. Ye. Adelgeim (Ed.), *Preemstvennost' kak faktor literaturnogo protsesssa. Opyt Tsentralnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy (po materialam I Khorevskikh chtenij)* [Continuity as a Factor of the Literary Process. The Experience of Central and Southern-Central Europe (Materials of the First Khorev Readings)] (pp. 179–187). Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.

Showalter, E. (2005). *Faculty Towers. The Academic Novel and Its Discontents*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Shvedova, N. V. (2012). Obraz Rossii v Slovakkii [The Image of Russia in Slovakia]. *Slavianskij almanakh 2011*, 536–542.

Shvedova, N. V. (2014). Russkij chelovek v soznanii slovatskoi intelligentsii poslednikh desiatiletij [The Russian Man in the Consciousness of Slovak Intellectuals in the Last Decades]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Person as Perceived by the Slavic Peoples] (pp. 429–442). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Sidowska, K. (2015). Polska powieść uniwersytecka. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Polonica*, 4 (30), 149–157.

Williams, J. J. (2012). The Rise of the Academic Novel. *American Literary History*, 24(3), 561–589.

Zajac, P. (2005). *Stratené existencie a ich čas. 17 marca 2005*. Retrieved from www.konzervativizmus.sk/article.php?312

Zelenkova, A. (2014). K probleme slavianskoi imagologii (receptsia russkoi sredy i kultury v vospominaniiah i perepiske M. Murko i I. Polivki na rubiezhe XIX–XX vv.) [On the Issue of Slavic Imagology (Reception of the Russian Environment and Culture in Memoirs and Letters of M. Murko and I. Polivka at the Turn of the 20th Century)]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Person as Perceived by the Slavic Peoples] (pp. 142–152). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Блашкив Оксана

кандидат филологических наук, адъюнкт
Институт языкознания и литературоведения
Естественно-гуманитарный университет
в г. Седльце
ul. Konarskiego, 2,
08-110 Siedlce, Polska
E-mail: oksana.blashkiv@uph.edu.pl

Blashkiv, Oksana

PhD (Philology), Associate Professor
Institute of Linguistics and Literary Studies
Siedlce University of Natural Sciences
and Humanities
2, Konarskiego Str., 08-110 Siedlce, Poland
Email: oksana.blashkiv@uph.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0002-3607-9895>
ResearcherID: U-1274-2017